

УДК 94 (470) «17/19»

Тимофеев Д.Н.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ИМАГОЛОГИИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ
ОБРАЗА ШВЕЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII – НАЧАЛА XIX ВВ.**

D. Timofeev

Peoples Friendship University of Russia, Moscow

**THE USE OF IMAGOLOGICAL PRINCIPLES IN A HISTORICAL
RESEARCH, SHOWN ON THE EXAMPLE OF SWEDEN'S IMAGE
STUDYING IN RUSSIAN SOCIAL THINKING IN 1ST QUARTER
OF XVII – BEGINNING OF XIX CENTURIES**

Аннотация. В статье рассматривается сущность понятия имагологии как отдельного научного подхода и его специфические методы, в применении к историческому исследованию, а также предлагается пример и обоснование их использования при изучении русско-шведских отношений. Сближение России и Швеции в ходе Тридцатилетней войны и «Союз 1812 г.» выбраны как периоды наиболее интенсивного дипломатического сотрудничества между двумя странами. Основными источниками для выявления ключевых факторов, повлиявших на эволюцию образа Швеции, в данной статье являются материалы дипломатической переписки между лидерами двух стран.

Ключевые слова: отечественная история, имагология, русско-шведские отношения, европейская политика, Тридцатилетняя война, Отечественная война 1812 г.

Abstract. The author reviews the concept of "Motherland", one of the main concepts in the outlook of the Russian society of the first third of 19th century. The period described in the article is connected with The Patriotic War of 1812, one of the greatest shocks in the first third of 19th century. By that time the concept of "Motherland" had gained the same meaning we see in it now. The author states that love for Motherland and patriotism were most evident in that period.

Key words: worldview, concept of «Motherland», the Patriotic War of 1812, patriotism, Russian society.

В настоящее время всё больше исследователей уделяют внимание вопросам, связанным с историей ментальности в межнациональных и межкультурных отношениях, а также проблемам формирования образов и их влиянию на те или иные исторические процессы. На современном этапе развития исторической науки, когда поколениями учёных исследованы целые пласты исторических источников, возникает необходимость не только в реконструкции тех или иных событий и процессов, но и в определении факторов, повлиявших на них, большинство из которых, по нашему мнению, лежит в плоскости представлений исторических личностей, да и целых народов о своём месте в мире и о «других», прежде всего окружающих их соседях. В частности, когда речь заходит о международной политике, одной из крайностей является тезис том, что политические деятели и лидеры государств во многом исходят либо из личных, либо из государственных интересов, либо действуют ввиду тех или иных обстоятельств, которые диктует международная обстановка, статус на мировой арене и пр. В итоге фактор отношения представителей правящих элит к тому, что происходит «вовне», и мотивы принятия ими решений исследователи зачастую ищут в рациональной плоскости мышления, отказывая

историческим фигурам в сугубо личном отношении к происходящему. Однако сегодня, когда роль СМИ в формировании общественного мнения с каждым днём приобретает всё большее значение, становится очевидным, что политическими процессами во многом движет способность манипулировать сознанием – те, кто больше преуспеет в продвижении своих идей в массы, получают большую поддержку и легитимизируют свою деятельность, вне зависимости от того, насколько она соотносится с общепризнанными нормами морали и человечности. Достаточно вспомнить, как тоталитарные режимы Германии и Италии, взращённые на руинах послевоенной Европы и старого миропорядка, путём пропаганды своих идей среди граждан, каждый из которых в отдельности вроде бы был цивилизованным европейцем, двинули их на завоевание «жизненного пространства», спровоцировав самый разрушительный конфликт в истории человечества, противопоставив одну избранную нацию всем остальным, не достойным существования. При этом конструирование национального сознания было одним из наиболее важных условий для реализации замыслов идеологов этих движений.

Целью данной статьи является обоснование возможности использования методов имагологии, как отдельной дисциплины в историческом исследовании, а также демонстрация применения имагологического подхода в изучении особенностей формирования образа Швеции в русской общественной мысли (конкретно – правящей элиты) в периоды наибольшего сближения двух стран.

Следует отметить, что ключевым для понимания механизмов формирования представлений о другом народе является понятие образа или имиджа (*image*), как составной части системы представлений о «другом», в понимании, предложенном Уолтером Липшманом. По его мнению, образы, будучи созданными людьми и включающими в себя представления об окружающем мире, управляют их поступками [Подробнее см.: 7]. В этой связи нельзя не обратиться к опыту сравнительной имагологии как отдельной научной дисциплины,

выросшей из литературной компаративистики. Благодаря идеям литературоведов Поля Азара и Мариуса Франсуа Гияра, а также критике Рене Веллека и последующим изысканиям Хуго Дизеринка она развилась до уровня отдельного подхода, задачей которого является выделение и изучение образа другой страны у представителей определённой нации. Причём нация в данном случае понимается не как принадлежность (сущность), а как идентификация с определёнными культурными явлениями, характерными для группы людей. И в этом смысле ученые 50-60 гг. XX в. очень близко подошли к современному понятию о нации, которое в мультикультурном обществе уже не отражает право того или иного человека, исходя из своего происхождения, относить себя к тому или иному народу, но позволяет самостоятельно определять принадлежность к определённой культуре на основании собственных убеждений. По мнению же А. Тойнби, такой подход низводит до уровня фольклора национальные и социальные особенности и превращает культуру в товар, обмениваемый на широком рынке, где все ценности, складываясь, взаимно аннулируются, т. е. привлекательность западной культуры в настоящее время таит в себе такую же опасность, как и противопоставление ей себя [1, с. 177]. При этом, по сравнению с социально-политической имагологией, сравнительная имагология подчёркивает историчность национально-имаготипических систем и контекстуальную обусловленность литературных образов другой страны как элементов комплексных международных взаимоотношений, а также смыслообразующую функцию эстетических структур [3, с. 28].

В данном случае, если отойти от литературоведения (которое как раз и может завести исследователя в дебри национальных традиций и мифологии), имагология позволяет взглянуть на стереотипы и образы как бы со стороны, превращая их в отдельные факторы формирования общественного мнения, увидеть их действие на конкретном материале – причём целесообразно искать эти образы и в официальных, и в личных документах, пись-

мах, воспоминаниях, а не только в сочинениях писателей, т. е. в более широком круге источников, нежели изначально предполагалось в компаративистике и имагологии. Тем не менее в современной политике мы чаще всего сталкиваемся с тем, что те или иные факты выдергиваются из контекста, переворачиваются с ног на голову и используются для создания определённого (позитивного или негативного) имиджа для тех или иных народов. Примером тому может послужить искусственное распространение идей ваххабизма, исламского радикального течения, на весь ислам и отождествление нетерпимости к представителям других религий с исламом в целом, а не с его конкретным направлением. Целью такого обобщения является стремление дискредитировать в глазах общественности противостоящие Западу, прежде всего, в политическом и цивилизационном плане, исламские государства.

Вот почему принципы историзма, системного использования всех выявленных источников и пр., обязательные для исторического исследования, стремящегося к максимальной объективности, должны неукоснительно соблюдаться, особенно если учёный обращается к проблеме межкультурной коммуникации, связанной с большим количеством личностных факторов.

С точки зрения исторической науки имагология предоставляет в распоряжение исследователя инструментарий, необходимый для изучения этих представлений о «другом» на основании как материальных свидетельств, так и выводов, логически вытекающих из реконструкции образов. В итоге мы имеем возможность, с одной стороны, по-новому взглянуть на источники и переосмыслить их значимость для тех или иных процессов (с точки зрения влияния на формирование образов), с другой, – выявить и реконструировать образы и исследовать уже их влияние на исторические события.

К сожалению, в современной литературе отдельно проблема конструирования имагологического подхода и его места в историческом исследовании недостаточно разработана: среди немногих специалистов, обращавшихся

к данной теме, стоит выделить А.С. Мыльникову, который поставил ряд важнейших вопросов, касающихся развития этнической имагологии. Историю отдельных народов, согласно мнению исследователя, можно глубже постичь через изучение представлений, характерных для мифологизированного сознания, являющегося «постоянным спутником сознания рационалистического» [4, с. 9]. Нельзя не согласиться с мыслью А.С. Мыльниковой и о том, что этническая имагология объединяет в себе опыт культурологии и других смежных наук, а не возникает на пустом месте [4, с. 12]. Данное суждение в определённой степени коррелируется с логикой развития этого научного направления в принципе – подобно источниковедению или другим вспомогательным дисциплинам, имагология выделяется из культурологии и литературоведения, всё больше приобретая черты отдельной дисциплины.

При изучении образа другого народа можно также выделить и идентифицировать представления различных социальных групп, что особенно актуально при исследовании истории страны на разных этапах развития: очевидно, что в глазах элиты, прежде всего, благодаря лучшей информированности и лучшему взаимодействию с элитами других стран, складывается иной, нежели у широких масс, имидж. Кроме того, поскольку правящая элита напрямую влияет на политику государства, можно увидеть подчас прямую зависимость принимаемых решений от сложившихся представлениях о «других» (в системе «свой – чужой»).

Показательным примером для этого, на наш взгляд, является период сближения России и Швеции в ходе Тридцатилетней войны, когда взаимодействие правящих элит двух стран (царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета, с одной стороны, и Густава Адольфа и Акселя Оксеншерны – с другой) привело к формированию на основе общих интересов и при наличии общего врага тесных межгосударственных отношений. Одной из их основ были личные контакты между правителями: в частности, вопросы о характере участия России в Тридцатилетней войне обсуждались исключительно в переписке глав государств,

в которой прослеживается личная симпатия Михаила Фёдоровича к фигуре шведского короля, видевшего в нем, как и многие современники, талантливого полководца. На формирование образа Швеции в этот период оказывало также большое влияние и то, что шведы исповедовали протестантизм. Учитывая, с одной стороны, открытую неприязнь России к католицизму, а с другой, стремление Густава Адольфа в письмах к французскому и русскому двору представить себя борцом против католической «папешской» веры, угрожавшей самому существованию «евангелических» и православных государств [5, с. 26], сближение двух монархов приобретало и общую духовную основу. При этом очевидным представляется то, что гибель шведского короля в 1632 г. при Лютцене практически перечеркнула возможности для дальнейшего развития союза, т. к. у пришедшего к власти канцлера Оксеншерна, в отличие от Густава Адольфа, складывались более негативные представления о России, в большей степени отражавшие доминировавшие в шведском обществе антирусские настроения. В данном случае можно говорить о том, что прямое влияние на ход событий оказывали представления правящих элит двух стран, в той или иной степени игнорировавших мнения общества.

Сравнимая ситуация сложилась в рамках подготовки русско-шведского «союза 1812 г.», также сопровождавшаяся оживлённой перепиской между главами государств Александром I и Карлом Юханом. В данном случае образ Швеции можно реконструировать как на основании официальных документов, так и более широкого круга источников, таких, как литературные публикации, воспоминания путешественников и материалы прессы.

Однако, учитывая особенности форм правления двух государств (в России, в отличие от Швеции, монархия не была ограничена Конституцией), наибольшее влияние на внешнеполитические шаги со стороны России оказывали представления правящей элиты во главе с Александром I. Так, император в инструкции инженер-генералу П.К. Сухтелену от 28 октября (9 ноября) 1809 г. предельно чётко сформу-

лировал задачи его дипломатической миссии в Швеции, а также дал беглый обзор истории русско-шведских отношений, затронув в том числе и вопрос о русских и французских субсидиях Швеции [6, с. 14]. Александр I в сложившихся обстоятельствах понимал, что Франция при Наполеоне более не намерена «заигрывать со Швецией», тем более что вопрос об избрании нового шведского короля практически полностью находился под контролем Наполеона, а кандидатура «спускалась» в Швецию непосредственно из Франции. В 1809 г. Александр I не видит альтернативы налаживанию дружественных отношений со Швецией и беспрепятственному самоопределению этого государства, т. к. рост напряжённости в русско-шведских отношениях, вызванный подписанием Фридрихсгамского мирного договора (который означал для Швеции потерю Финляндии), мог угрожать безопасности России.

Вместе с тем следует отметить, что указанный договор наряду с территориальными вопросами включал в себя и условия беспшленного вывоза хлеба из России. Таким образом, он продолжил политику предоставления скрытых субсидий Швеции, заложенную ещё при Михаиле Фёдоровиче. В этой связи вызывает интерес и письмо Александра I Карлу Юхану от 26 февраля (9 марта) 1812 г., в котором российский император сравнивал шведского короля с Густавом Адольфом в свете предложенного российской стороной плана завоевания Норвегии при поддержке России, с условием последующего совместного десанта в Померании. Идея же захвата Норвегии в документах начала 1812 г. вообще становится навязчивой, многократно обсуждается и является альтернативой по отношению к идее французских дипломатов об участии Швеции в походе на Петербург. В своих дипломатических письмах мировые лидеры в начале 1812 г. пытались сыграть на амбициях молодого шведского короля, в прошлом – наполеоновского маршала. При этом Александр I, пытаясь направить шведскую армию против наполеоновских войск в Германии, пытался использовать историческую память, сохранившуюся о подвигах шведов в XVII

в. Кроме того, он предлагал Швеции вместо утраченной Финляндии достойную альтернативу в виде Норвегии, что могло удовлетворить погрязшие территориальной потерей амбиции шведского общества. В донесениях послов и переписке двух монархов в 1812 г. просматриваются два устойчивых клише: намерение России не нападать на Скандинавию преподносится как благо для всей Европы, в то время как лидером Северной Европы безусловно объявляется Швеция. Эти две установки повторяются снова и снова, и говорят о вероятном сохранении образа Швеции как могущественной северной державы, несмотря на то, что имперский период в истории Швеции закончился, причём проигрышем своему нынешнему союзнику – России.

С особым интересом стоит отнестись к мнению Г.М. Коваленко, который прямо говорит о том, что Бернадот, не будучи шведом, мог трезво оценить возможности Швеции и, что самое главное, расставить приоритеты во внешней политике, тогда как в стране были сильны националистические и реваншистские настроения, мешавшие правительству увидеть бесперспективность попыток возвращения Финляндии. То есть в данном случае, по нашему мнению, сложившиеся представления главы Шведского государства оказали прямое влияние на дальнейшие события. Другими немаловажными факторами, по мнению Г.М. Коваленко, были просчёты французской дипломатии, которая опиралась на идею присоединения Швеции к континентальной блокаде Великобритании, крайне невыгодной для шведской экономики, зависимой от внешней торговли, а также установление личных доверительных отношений между Александром I и Бернадотом. Кстати, об этом красноречиво свидетельствует их обширная переписка по вопросам «союза 1812 г.» [2, с. 152]. В данном случае можно говорить о том, что в результате деятельности российских и шведских дипломатов, при непосредственном участии двух монархов, произошло ещё одно сближение России и Швеции. Не последнюю роль в этом процессе сыграли король Карл Юхан (прежде всего, полководец и честный офицер, кото-

рый находился в оппозиции по отношению к Наполеону), да и положение Швеции, которая уже не угрожала России на Европейском Севере и которой, в свою очередь, не нужно было «грозить» из Петербурга.

Реконструкция образа Швеции в представлениях правящей элиты России на протяжении XVII-XIX вв. в этой связи может позволить глубже понять мотивы руководства двух государств, находившихся до этого в теснейшем взаимодействии, столкнувшихся с реальной угрозой для своих интересов в общеевропейском плане.

Таким образом, методы сравнительной имагологии, зародившейся в литературоведческой среде Франции в середине XX в., в настоящее время могут быть с успехом применены в историческом исследовании, что было нами показано на примере рассмотрения эволюции образа Швеции в представлениях российской правящей элиты. Поскольку на современном этапе развития исторической науки общественные и политические процессы всё больше понимаются в контексте взаимодействия культур, одними из ключевых элементов которых являются представления о других народах, постольку расширяется возможность применения исходно культурологических и цивилизационных подходов в рассмотрении сложнейших проблем международной политики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Диалог историков. Переписка А. Тойнби и Н. Конрада. – Новый мир, 1967. – № 7. – 185 с.
2. Коваленко Г.М. Русско-шведский союз 1812 г. – Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск, 1974. – 168 с.
3. Миры образов – образы мира: Справочник по имагологии. – Волгоград, 2003. – 93 с.
4. Мыльников А.С. Этническая имагология: конструирование науки межнационального взаимопонимания. – Культура на пороге III тысячелетия. – СПб., 1996. – 307 с.
5. Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. – М., 1976. – 435 с.
6. Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809-1818 гг. – М., 1985. – 572 с.
7. Lippmann W. Public Opinion. – New York: The Free Press; London, 1965. – 272 с.